

Евтушенко постоянно обращался к Фросту. Они с Фростом разительно отличались друг от друга. Фрост, сутулый старик с погрузневшим телом и дряблой кожей на шее и под подбородком, был медлителен и скован в движениях. Его чуткость и живость были при нем, но сил надолго не хватало. А вот Евтушенко казался неистощимым. Высокий и угловатый, он двигался импульсивно, разговаривал напористо. Он был подвижен и энергичен, он сознавал свою популярность и значимость. Он предлагал тост, тут же осушал бокал и протягивал длинную руку с бутылкой, чтобы снова наполнить бокалы. Трудно было сказать, кто он в большей степени — поэт или политик. Фрост отказывался разделять в Евтушенко одного и другого. Когда разговор коснулся хороших и плохих людей, Евтушенко заявил, что плохих людей меньше, но они лучше организованы и что нередко своими наглыми действиями “они провоцируют нас на хорошие поступки”. “На то, чтобы их убить, например?” — пошутил Фрост. Евтушенко, безусловно, имел в виду избавление от сталинского прошлого, но Фрост был не готов проводить такую четкую грань между добром и злом. Он неожиданно обратился к Евтушенко: “А убийство плохого человека — это хороший поступок?” Евтушенко не ответил.

Посреди разговора и тостов вдруг объявили в микрофон о нашем присутствии и Фроста попросили прочесть стихотворение. Никто не собирался ничего разъяснять. Никто не собирался переводить. Фрост находился среди поэтов и посетителей кафе, часть из которых знала английский. Слушатели должны были воспринять стихотворение через музыку слов. Выразив в нескольких фразах благодарность, Фрост объявил название: “Остановка у леса снежным вечером”. Ему аплодировали громко и долго, но, думаю,